

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 30 (2293).

Суббота, 20 июля 1946 г.

Цена 45 коп.

Областные альманахи

М. Горький, рассматривавший литературу, как «организатора культурно-революционного сознания масс», говорил о необходимости создания не одного, а многих центров культуры. Отмечая, что «Урал, Сибирь, Волга и другие области остались в поле зрения старой литературы», великий писатель придавал огромное значение росту литературных сил на местах. Советская власть, создав многочисленные центры культуры, тем самым стимулировала между «столицей» и «провинцией».

Только в областях и краях РСФСР (не считая Москвы и Ленинграда) издаются свыше двадцати альманахов и журналов: «Енисей» в Красноярске, «Советское Приморье» в Владивостоке, «Степные огни» в Чкалове, «Северо-в Архангельске и т. д. В возрождающихся после перенесенных тяжелых испытаний городах Ростове, Воронеже, Смоленске, Краснодаре снова начали выходить альманахи «Дон», «Литературный Воронеж», «Смоленский альманах» и «Кубань». Возобновлено издание журнала «Сибирские огни», начало выходить вновь созданный журнал «Дальний Восток».

В вышедших за последние годы альманахах было напечатано немало интересных произведений: повесть «Доктор Великанов размыкается и действует» А. Шуйкина («Литературный Воронеж»), «Открытие мира» В. Смирнова («Ярославский альманах»), «Море» В. Костылева и «Матросская слава» Г. Федорова («Волжский альманах»), «Денка Худоногова» С. Сартакова (альманах «Дубровские огни»), «Семьи Широковых» В. Пановой («Приморье») и др.

Областные альманахи осуществляют высокие благородные задачи, неотъемлемые от задач, стоящих перед всей нашей литературой, призванной идти воспитывать народ в духе советского патриотизма. Показать миллионам читателей все многообразие нашей родины, ее неисчислимые природные богатства, рассказать народу о его завтрашнем дне, преображенном великой силой стalinской пятилетки, претворить в художественных образах мысли и чаяния советского народа — общественный долг писателя.

Природа, люди, события, история советской страны — благодатный материал для художника.

«Я не называлась», — писал М. Горький, — художественной литературе звать «художествами», этикетами, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широка она охватила действительность свою, этот вопрос может быть поставлен». К сожалению, измазанные разными местах альманахи иногда бывают по содержанию настолько оторваны и похожи друг на друга, так мало рассказывают о своей области, что можно было бы смело переместить название «Дон» на «Волгу» или «Новую Сибирь» на «Литературный Саратов», и никто из читателей даже не заметил бы этой перемены.

А разве на материале своего края, своей области писатели не могли бы решать большие вопросы современности. Не странно ли, например, что тема хозяйственного и культурного возрождения на страницах некоторых альманахов, издаваемых в областях, пострадавших от немцев? Потчи нест производственных отраслей, отражающих современность и в последней книжке альманаха «Новая Сибирь», хотя именно эта тема должна быть главной. Литература всегда была связана своей связью с жизнью народа. «Народоведение», — писал Горький, — главная область искусства. Показать советского человека, рассказать о его самоотверженном и гордом труде — благодатная и благородная задача нашей литературы.

Общий уровень многих областных альманахов еще очень невысок. Многие расценки, опубликованные в них, лишь условно могут быть названы рассказами: внутренний мир героев этих произведений кажется бледным и мало значительным, реальные жизненные конфликты подменены

— **К 20-летию со дня смерти Ф. Э. Дзержинского**

Господинизат сделал в производстве сборник «Избранные статьи и речи» Ф. Э. Дзержинского (1917—1926 гг.). В книге помещены также страницы из дневника (1895—1909 гг.), который вел Дзержинский в военной тюрьме.

Сборник открывается статьями И. В. Сталина «Дзержинский» и В. М. Молотова

— **Ф. Дзержинский и его последняя речь**

Издательство «Молодая гвардия» готовит к изданию сборник «Письма Ф. Дзержинского к родным и близким» (1895—1918 гг.). Большинство писем, включенные в сборник, публикуются впервые. Сборник выйдет с предисловием С. Дзержинской.

— **Лион ФЕЙХТВАНГЕР «Мировую литературу не мыслишь без Горького»**

Я рад представившемуся случаю сказать о Максиме Горьком — великому писателю, и борца за социализм.

И до Максима Горького многие русские писатели сумели показать образы русских людей так, что они остались жить в науках, но Максим Горький первым показал нам русский народ. В образах Максима Горького прозвучал голос не отдельных русских людей, а голос русского народа в целом. Таким образом Горький завоевал в мировой литературе новый материк.

Люди Горького — это глубоко русские люди, но эта русская сущность обладала им не как угловая оболочка из коры, а как живая человеческая кожа. Эта русская особенность их существа не затруднила, а помогла западному читателю понять их общечеловеческие свойства. В мире Максима Горького национальное и интернациональное гармонично дополняют друг друга. Он не отказался ни от единой прерии русской сущности и русской жизни, и все же его люди, его ландшафты, рисунены им самими, предстают с такой же предельной ясностью, что они и на пределе понятия каждого и всякою. Подобно тому, как Гете освободил немецкую литературу от узости национализма и сделал ее универсальной, не лишив ее ни единой из национальных ценностей, подобно этому Максим Горький создал мир насквозь русский и тем не менее доступный для каждого.

— **Голливуд. США.**

Сегодня в номере:

1 стр. Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении сказительницы Крюковой М. С. орденом Ленина. Лион Фейхтвангер. «Мировую литературу не мыслишь без Горького». Николай Вирта. Вечерний звон (новые произведения). Ян Кубаль. На конгрессе чешских писателей.

2 стр. М. Шапская. В чудесном мире. Л. Диагач. Воспоминания бывшего моряка. Иван Халтурин. Тропы художника и натуралиста. Владимир Орлов. Фантастика и реальность. Информация.

3 стр. Д. Данил. Нищета поэзии. Бор. Соловьев. Заполярный кругом. С. Липкин. Баллады Гегама Саряна. Елена Златова. Унижающее сострадание. С. Петров. Однотомник Некрасова.

4 стр. Я. Варшавский. Глазами поэта. Клод Руа. «Человек и другие». Информация. Юлиан Тувим и демократическая Польша. Новый роман П. Павленко. Однотомник произведений Блока. «Поэт у микрофона». Новые книги.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Виктор ВИРТА

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Когда Лука Лукич сказали, что царь согласился говорить с ним, он не испугался; более того, он даже и не удивился. Он был уверен, что молодой государь должен накануне коронации и миропомазания выслушать послания народа.

С лицом просветленным, с сердцем, переполненным отцовскими чувствами к юному своему покровителю, без боязни и страха вошел он в залота императорской в Александрии.

Стоя с непокрытой головой на террасе, Лука Лукич мысленно повторял все те почтительные, но твердые слова, которые он скажет царю.

То, что он достиг заветного самим необыкновенным образом, через бабку Фетину, никак не смущало его. Не смущило его и то обстоятельство, что царь принял это мошенничество.

Бабка должна была выпросить у цара этого милости. Лука прости ей одно темное дело, которое за нее знало, — это раз; во вторых, вернулся Лука Лукич от царя не с пустыми руками, бабка укрепил в себе свое поколебленное поповское проповедование; положение. Конечно, в случае благоприятного исхода встречи, бабка потребует мадзы, она уже намекнула на это. Село заплатит, да Бог удачи!

Впрочем, Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Бабка должна была выпросить у цара этого милости. Лука прости ей одно темное дело, которое за нее знало, — это раз; во вторых, вернулся Лука Лукич от царя не с пустыми руками, бабка укрепил в себе свое поколебленное поповское проповедование; положение. Конечно, в случае благоприятного исхода встречи, бабка потребует мадзы, она уже намекнула на это. Село заплатит, да Бог удачи!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Николай Александрович вышел на террасу, покуривая. Он был в отличном настроении духа, все сегодня так удастся и так славно складывается!

Он ожидал, что мужик, увидев его, падет на колени, или бросится целовать руки, был немало удивлен тем, что этот громаднейший дед в суконной поддевке не только не упал в ноги, но отдав поясной поклон, выправился и стоял, прямо, склоняя голову к царю, не смущаясь перед пристальным взглядом государя.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю! Тут надо все обдумать.

Ласт Лукич совет государю, с охотой даст! Ведь как никак царь молод, а царь, царя. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Но Лука Лукич знает, что царь молод, а царь, царя.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Лука Лукич и не сомневался в удаче. Царь не только выслушает его и сделает все, что у него Лука Лукич попросит. Царь, как думал старик, захочет совета по всемобщим сельским и земельным делам.

Лука Лукич заметил, что Николай Александрович мало изменился с тех пор, как он видел его; бородка рыхеватая, словно мочалка; правая щека выстланена белым.

Лука Лукич готов был дать этот совет, даже если для этого ему пришлось бы пройти в Питере хоть целый год; ведь, и совсем не раз плюнуть, дать. Да еще царю!

Однотомник Некрасова

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения Некрасова. Знаменательная эта дата заставляет напомнить нашим литераторам о том, что они в долгий перед памятью великого русского поэта. Многие страницы его жизни многое вопросы его творчества все еще остаются недостаточно изученными.

Весной 1840 года молодой романтически настроенный поэт тяжело переживал неудачу своего сборника «Мечты и звуки». А уже к весне 1847 года Некрасов становится выдающимся поэтом гоголевского направления в литературе и одним из крупнейших журналистов России. Что же мы знаем об этих годах жизни поэта, о повороте в его судьбе, в его мировоззрении?

Биографии Некрасова неизменно приводят рассказы мемуаристов о нужде и мытарствах поэта, о его подседном тяжелом труде. Но о том, какими путями шло духовное развитие его личности до оближения с Белинским, известно очень немного. Дальнейший путь Некрасова объясняется обычно влиянием на него Белинского. Оно было бесспорно очень значительным. Однако характер этого влияния, предломление его в поэтическом творчестве Некрасова с достаточно глубокой неизученым. Каково, например, было отношение молодого Некрасова к идеям утопического социализма, каковы были философские взгляды поэта в этот период и т. д. А ведь известно, что Чернышевский отмечал самостоятельность идейного развития Некрасова.

Не следует ли вместе с тем более tatsächlich изучить огромную роль Некрасова в руководстве русской литературой в тяжелые пятьдесятые 1848—1853 годы, когда в «Современнике» уже не было Белинского и еще не появился Чернышевский.

Совершенно не исследован период «Отечественных записок» и, в частности, величайший вопрос о том, что отличало позиции Некрасова от формироавшегося тогда народнического движения.

Великий заслуг Некрасова, как журналист, критика, редактора перед русской культурой. Журналы, им руководимые, составили целую эпоху. На их страницах ставились важнейшие философские, исторические, общественно-политические, морально-бытовые вопросы. Но о личной роли Некрасова в постановке и решении этих вопросов у нас имеются пока самые общие представления. Ждут своих исследователей и таких тем, как Некрасов, Островский, Некрасов и Толстой, Некрасов и Достоевский. И речь идет не об их биографических связях, а об отношениях идеино-творческих.

Все эти мысли возникают и волнуют при чтении нового издания однотомника Некрасова¹.

Однотомнику предпослано вступительная статья А. М. Егolina: «Н. А. Некрасов». В советском литературоведении А. М. Еголину принадлежит бесспорная заслуга — он раскрыл ремонтистско-демократическое содержание поэзии Некрасова, определил Некрасова, как поэта крестьянской революции, как крупнейшего представителя критического реализма в русской литературе. В дополнение к прежним своим работам о Некрасове А. М. Еголин в этой статье ставит более широкий вопрос о положительных идеалах творчества Некрасова, об отражении в его поэзии национального характера русского народа.

По сравнению с предыдущими изданиями новый однотомник не вошел раздел юмористических стихотворений Некрасова.

А эти стихотворения, как известно, представляют существенную часть юмористической поэзии 60-х годов.

Отсутствие комментариев — существенный недостаток однотомника. Откуда широким кругом читателей знать, кто такая Асенкова, память которой Некрасов посвятил чудесные стихотворения; что знаменитые стихи «Ламы приятеля» рисуют образ великого друга и учителя Некрасова — Белинского; по какому поводу поэт написал стихотворение «Незвестному другу» и т. д. И разве не потребуются читателю пояснения к поэме «Современник», полной глободневных по своему времени образов и намеков.

В заключение хочется снова поставить вопрос о необходимости издания полного собрания всех сочинений и переписки Некрасова. В дни юбилея это будет лучшим памятником великому поэту, так много сделавшему для счастья своего народа.

1 Некрасов Н. А. Избранные сочинения. Редакционный статей А. М. Еголина. Огни. Государственное издательство художественной литературы. М. 1948.

Данин Ницета поэзии

Есть извечный враг у поэзии — пустая поэзия. Тем несносней этот враг, что он отлично знает цели, намерения самой поэзии, ее повадки и пристрастия.

Он давно обнаружил. Он рождается вместе с поэзией — жизнь воссоздает одновременно, но одной и той же почве, и злаки и плавни.

«Дело очень просто, — говорил Гете, — чтобы писать прозой, надо иметь, что сказать, а кому сказать нечего, тому остается сочинять стихи и рифмы, где за одним словом тяготеет другое и конец концов выходит нечто, по существу не представляющее собою ничего, но имеющее такой вид, будто оно есть нечто». Не для уникации поэзии, а в осуждение ложной поэзии произнес великий поэт эти злые слова.

Но что с того, что Гете знал все это? Что с того, что едва ли не каждый мыслящий художник и каждый критик хотя бы однажды ополчались против этого врага поэзии, ловили его с политическими, убивали метким словом это «пустовинство во все века вертевшихъ льстцевъ»? Вспомним: Маяковский всю жизнь не уставал писать с «кудреватыми» и нам завещал эту борьбу. Борьба с сорняками не утихает там, где жаждут счастливого урожая.

2.

Анатолий Софонов назвал свою поэму загадочно-метафорически — «Золотой берег». Это не о золотых скатах и не о чернокожих Западной Африки. Пустая поэзия всегда «романтическая» красива и «романтически» отвлечена: Это — мечта и сновидения солдата:

Фронтовая ночь, на пинакли,
Мне приснился берег золотой...

Сначала золотой берег предстает перед нами, как образ давней жизни, но по мере аккуратного течения однообразных строф выясняется, что для поэтической «кудреватости» такая метафора была бы уж слишком проста. Солдат сидит «склоняясь на плеске». Так вот девушка на золотом берегу и есть аллегория «чайной жизни без муки» без горя, скрывшейся где-то вдалеке! А сам золотой берег — просто некое бесплотное поэтическое видение, красавий сон, игра. Он всегда лишь всплышил поэтической бездумности. Но воплощение отнюдь не безобразное. Золотой берег в конце поэмы опять возвиняет перед нами, на этот раз — «бесконечный, без края, без началья», в елкой слезе купальщицы «босой» теперь приведет нас уже в будущую, послевоенную жизнь, тоже исполненную счастья и покоя.

Между золотыми берегами прошлого и будущего лежит «темная полночь» войны. Возвращение к миру оказывается всего только возвращением к прошлому. Когда солдат «с войнами вернется...» и шагнет к знакомому крыльцу, он окунется в безмятежность, как во время оно.

Такова основная «идея», какую можно извлечь из поэмы Софонова. От беззаботного счастья к беззабочному счастью летели мы через черную некрасивую безумную лет. От беззаботности к беззаботности...

Таков уровень поэтической мысли, открывавшийся в лирической поэме Софонова, начатой в дни войны и конченной в дни мира. Таково наивное благодущие поэта!

3.

Видения и мечтания, сны и грезы наполняли до краев поэму Анатолия Софонова. Это не раздумья над жизнью, это именно грезы. Сладковучные и беспестесные, романесные, и не романтические.

Чем дальше мы от мира в войне,
Чем дальше дикие зеволые, зеволые,
Тем больше вспоминаем в гишке.
Мы мир былых и радости бытия.

И мирная жизнь, как «дни веселая золотые», и воинская жизнь, как «тишина!» Откуда это золовое миладество поэтических представлений о нашем времени?! Откуда эта поэтическая легковесность, умеющая даже и из внешних сторон спорить жизнью выбирать только то, что могут дать лишь длянежных и сладеньких грез?! Откуда это все у поэта, который сам был на войне?

Анатолий Софонов хочет говорить не только от своего имени. Он говорит — «мы»! — «мы» — солдаты Отечественной войны. Обобщает с лицом часто и сплошь как софроновские маниловы приходили победы. Но содержательность их мечтаний от этого не отнюдь не возросла, потому что это солдатские раздумья, а праздные грезы самого поэта. А когда нечего сказать, то уж лучше, конечно, говорить коротко!

Таков уровень мечтаний поэтических откровений в поэме Софонова. Такова его «дерзость»!

Однако есть в лирическом рассказе Анатолия Софонова нечто посеребренное в свой порочности, чем бессодержательные грезы и сновидения. Туман поэтических красавиц откуствует две «житейские истории», переплетенные которых и составляют сюжет поэмы. Одна из этих историй — псевдоромантическая идеальная, а другая — подлинно натуралистическая груба.

Лирический герой поэмы сложился на фоне с земляком — капитаном. Вместе жили, «знали жен по карточкам, по снам, которыми делились по-братьски» (!). Из отпуска, после ранения, капитан возвращается мрачный, снимает со стены портрет жены и «склоняет его по праву», а потом рассказывает, что произошло. Рассказ этот, в котором должен раскрыться образ «кусорогого, строгого капитана», очень примечателен: есть в нем то, что беззастенчивое и развязное, нечто до такой степени обнажено, что закрываются не смешные, не ужасные, а просто смешные и смеющиеся.

Таков странный пафос любви, пафос чувств в поэме Софонова! Такова белаяность характеров его героев!

6.

Можно было бы не говорить с такой подробностью о «Золотом береге» Анатолия Софонова, если бы кричащая порочность этой поэмы была фактом обособленным и случайным. Но это не так! В «Золотом береге» с предельной ясностью выразилась ложная направленность творческих усилий не одного Софонова. У некоторых других поэтов (не будь без доказательств огульно называть имена) она не столь опасна и очевидна. А Софонов эту ложную позицию к тому же еще и открыто декларировал вскоре после появления «Золотого берега». Декларировал свою приверженность к псевдоромантике, к пустоте отвлеченной поэтическости.

Как хорошо, что это подозрение и упреки направлены: «Заниматься делом? В мирной жизни, которая есть досуг? Досуг — для романтических грез и платонических стремлений! «Вдали, за моря и реки? Нет, нет! Эти упреки обидны! «Глебы герни мы сидим» — клянется он. А в подтверждение клятвы слышится на слова, сказанные во время войны воображаемым гвардии полковником:

«Когда проходит война,
Люди вспомнят, что тебе я оставил...»

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит войну, кто не любит смерть, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Из этого ясно, что поэзия Анатолия Софонова не для тех, кто не любит счастья, кто не любит счастья, кто не любит счастья.

Иллюстрации Е. Голиковского к книге комедий Шекспира. (Издательство «Искусство»).

Юлиан Тувим и демократическая Польша

Обложка книги Юлиана Тувима «Самузел». Работы И. Семёровой. (Гослитиздат).

После семи лет, проведенных в эмиграции, вернулся на родину крупнейший современный польский поэт Юлиан Тувим. Перед отездом из США, где он жил в последние годы, он обратился к американским писателям с письмом, в котором заявлял:

«То, за что мы боремся, реализуется на нашей родине. С трудом, в муках, — либо среди руин, — в условиях угрожающего всей Европе голодя, но реализуется. Пройдет еще годы, пока страна будет восстановлена заслуженными робами. От этого — о восстановлении страны — печется правительство Речи Посполитой, забывает демократические слоны народа. Кто мешает в работе, кто подымает корни польской государственности, кто сеет в стране неверие и смуту? Недобитки (остатки) отечественного фашизма, реакция, алчные корыстолюбивые, те, кого история обрекла на гибель, но кто не хочет примирияться с ее окончательным приговором. Будущее, однако, покажет и уже покажет заранее, что приговор будет приведен в исполнение, что он должен быть принесен в исполнение, что гигантская волна исторических событий не пойдет вспять. Я возвращаюсь на землю, в которую не успела еще впитаться кровь миллионов наших братьев, на землю, над которой возносится еще дым пожаров, где развалины городов поросли травой. Но я возвращаюсь не только с надеждой, но и с глубокой верой, что земля, удобренная кровью обожженной огнем, расцветет еще для нашего поколения, на удивление, «у и на зорь, черному воронью, шакалам и гиенам».

В интервью, данном сотрудникам газеты «Голос людъ» (орган ППР), Юлиан Тувим рассказал о том, как вляли от родины проинспирированного его сближение с рабочими.

«С рабочими массами», — заявил он, — я столкнулся впервые в США. В Польше я не имел с ними непосредственного контакта. В 1941 году я получил приглашение от польских рабочих «Детройта»; я поехал туда и провел продолжительное время в

Ярослав Ивашкевич в Москве

13 июля в конференц-зале правления Союза советских писателей состоялась встреча председателя Союза польских писателей, известного польского беллетристы, поэта и драматурга Ярослава Ивашкевича с советскими писателями.

Ярослав Ивашкевич сделал подробное сообщение о современной польской литературе. Он рассказал о борьбе, которую польские писатели вели против немцев, о польских жертвах, понесенных писателями Польши, о подпольных изданиях. Он говорил об энтузиазме, с каким работают сегодня писатели демократической Польши, работы которых пополняются возвращающимися из эмиграции мастерами слова.

Я. Ивашкевич рассказал о возвращении Тувима, Броневского и др., говорил о

молодых писателях, выросших в годы борьбы против немцев.

Подробно говорил он о состоянии издательского дела и отрасли театра и ответил на многочисленные вопросы. Беседа носила оживленный характер. Советские писатели читали стихи.

До этой встречи г-н Ивашкевич посетил председателя Союза советских писателей А. С. Тихонова.

Союз советских писателей передал гостям новинки для Союза польских писателей.

20 июня писатель уезжает в Варшаву, чтобы 22 июня участвовать в национальном празднике свободной, демократической Польши.

Я. Ивашкевич рассказал о возвращении Тувима, Броневского и др., говорил о

Дети начали выпускать серию книг «Новинки детской литературы». Каталог. Сын полка. Книга для детей. Автор: Ярослав Ивашкевич. Издательство: Молодая гвардия. Цена: 150 руб.

Клод Руа

«ЧЕЛОВЕК И ДРУГИЕ»

Я. ВАРШАВСКИЙ ГЛАЗАМИ ПОЭТА

«Бранденбургские ворота» М. Светлова в Театре им. Моссовца

«Когда я читал о войне и о солдатах, я думал — это такие красивые души! И я всегда думал — были они или не были?.. И о нас когда-нибудь так будут думать: неужели они были? Неужели они могли воевать на этих болотах? А ведь мы были!» Так говорит смертельно раненный комбат Охотин. Он хочет, чтобы люди будущих счастливых лет, сограждан его, завоевавшие победу и мир, ни на секунду не забывали об этих болотах, в которых гибли солдаты, чтобы вечная и благодарная память о них ощущала и укрепляла людские сердца.

Не раз еще наш театр будет возрождать на своих подмостках события и людей великой войны. Можно по-разному это делать. Можно восстановить все подробности жизни в траншеях и блиндажах, рассказать о множестве не похожих друг на друга людей, совершивших большие и малые фронтовые дела. Театр в силах создать детальную картину окопного и походного быта, батальные эпопеи романтические изваяния героев. Михаил Светлов избрал в другой путь и средства, свойственные ему, как лирическому поэту. Он рассказал в пьесе о том, что сам видел и чувствовал на фронте, он облеч склонные лирические воспоминания в сценические образы. И в пьесе зазвучал голос фронта.

Внешний облик спектакля создают заудиумные и нежные пейзажи Андрея Гончарова. Режиссеры и художники окутали сцену голубоватой дымкой неяркой северной весны. О страшных болотах, в которых прощаются с жизнью друзья, соратники Охотина, зритель может только догадываться.

Декоративный фон в таком спектакле, как «Бранденбургские ворота», — чрезвычайно существенное «слагаемое». Но, конечно, одними лишь пейзажами режиссеры не смогли бы создать поэтическую атмосферу спектакля. Ее создают актеры.

Сейчас советский зритель настоятельно требует от театра современных актуальных пьес. Весь год с небольшим отделяет нас от конца войны, а жизнь вывидула уже множество новых, посвященных темам Октября пьес Светлова. Весьма современна «Воззвание к разуму», с которым мы в 1942 году резко выступили против реакции, призывающей к сотрудничеству с Советским Союзом. За это возвышение реакционеры прозвали нас «предателями».

Газета «Работник» посвятила возвращению Юлиана Тувима передовую статью, в которой пишет:

«Тувим не состоял ни в какой партии. Но надо вспомнить, что в тяжелые годы реакционного гнета и все шире распространявшегося нацизма, он высокодержкий знамя поднял независимого писателя. Это он отважно бросил неизвестновавшую эндекскую улицу в дни убийства Марковича твердые слова: «Крест носили на груди, а револьвер в кармане». Именно в «Работнике» поместили свое стихотворение «Кресту человеку», за которое в течение многих лет прославляли его польская реакция. В эмиграции он сумел избежать ошибок и осложнения многих политиков, ошибок, которые, казалось бы, легче простить поэтом, чем центральным руководителем народа... Поэтому его придется должен быть зарегистрирован в базе наших достижений наравне с победами в добье усилия или в увеличении погрузки в наших портах». Приветствуя приезд его, газета выражает уверенность, что Юлиан Тувим будет способствовать возрождению польской культуры.

В интервью, данном сотрудникам газеты «Голос людъ» (орган ППР), Юлиан Тувим рассказал о том, как вляли от родины проинспирированного его сближение с рабочими.

Юлиан Тувим привез большую поэму «Преты Польши», над которой работал в течение пяти с лишним лет и которая опубликована до сих пор лишь в фрагментах. Тувим намерен приступить к изданию журнала «Глобус».

В интервью, данном сотрудникам газеты «Голос людъ» (орган ППР), Юлиан Тувим рассказал о том, как вляли от родины проинспирированного его сближение с рабочими.

«С рабочими массами», — заявил он, — я столкнулся впервые в США. В Польше я не имел с ними непосредственного контакта. В 1941 году я получил приглашение от польских рабочих «Детройта»; я поехал туда и провел продолжительное время в

Блиндаже комбата Охотина в канун дня праздника дня рождения медсестры, Кати. У всех участников этого скромного торжества приподнятое настроение. Всем хочется как-нибудь по-особенному отметить этот вечер. И вот скромная Маруся предлагает кому-нибудь рассказать о своем настроении, о своих чувствах в эти минуты, так, будто он изделия вспомнил пережитое. Татьяна Петровна соглашается сделать это. «Это было в то время, — задумчиво говорит она, медленно выходя на авансцену, — когда наши войска только готовились к прижизни, и мы занимали обширные болота... Мы собирались, как большая, теплая семья...»

Черта проницущая от伶на Татьяны Петровны от остальных действующих лиц. Светлова не погас. Ее монолог непринужденно превращается в стихотворную речь.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и капитана Коробейнича, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

Мы уже считаем, что Татьяна Петровна — это замаскированный автор. Но вот стихами Светлова начинают говорить другая персонаж пьесы — боец Святкин. Знает, и он — «кто автор?» Вскоре выясняется, что автор недавно поэтической речью и однажды Федю, и старшину Беклергена, и самого Охотина.

<p